

Е. В. Купчик, С. Ма

Антропоморфные метафоры С. Есенина с областью цели «природа» в аспекте перевода на китайский язык

В статье рассматриваются антропоморфные метафоры С. А. Есенина как репрезентанты когнитивной модели «природа – человек» в их переводах на китайский язык. Переводы Гу Юньпу, Лань Мань, Лю Чжанью, Чжэн Чжэн, Чжэнь Тиву анализируются с точки зрения сохранения в них метафорических образов. Выявляются типы переводческих трансформаций в области грамматики и лексики (перестановка, добавление, замена и др.). Указывается на сочетание разных переводческих трансформаций в рамках одного фрагмента, содержащего антропоморфную метафору. Определяется тематическая группа наиболее сложной для перевода лексики. Производится сопоставление различных вариантов перевода одних и тех же антропоморфных метафор С. А. Есенина разными авторами с выявлением сходства и различия языкового воплощения метафорической модели. Выявляется автор переводов, наиболее точно передающий метафорические образы природы в текстах поэта. Отмечается, что при сохранении в большинстве случаев метафорической модели исходного текста ее языковое воплощение в переводе в той или иной степени отличается от представленного в оригинале.

Ключевые слова: С. А. Есенин, антропоморфная метафора, метафорическая модель, русский язык, китайский язык, перевод, переводческие трансформации.

Для цитирования: Купчик Е. В., Ма С. Антропоморфные метафоры С. Есенина с областью цели «природа» в аспекте перевода на китайский язык // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 257–275. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_257. EDN: TCLFIU

Феномен метафоры подвергается научному осмыслению с времен античности и до настоящего времени, являясь темой многочисленных трудов по лексикологии, семантике, лингвокультурологии и др. Понимаемая в лингвистической стилистике достаточно узко – как «перенос по сходству», «более краткое сравнение» [18, с. 396] и традиционно помещаемая в один ряд с другими тропами (олицетворением, перифразой и др.) метафора в языкознании конца XX – начала XXI вв. рассматривается не только как многоплановое языковое явление. С зарождением и ста-

новлением когнитивной лингвистики (этапы формирования, теоретические установки, тенденции развития которой отражены в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых, например, Е. С. Кубряковой [13], В. З. Демьянкова [8], Е. В. Рахилиной [20], А. Ченки [25] и др.) связано представление о метафоре как когнитивном феномене. В сознание человека встроено «концептуальный каркас» [24, с. 108], в связи с чем особо значимым является исследование метафорических моделей, базирующихся на моделях когнитивных. Человек как «система переработки информации» [8, с. 17] познает и объясняет мир посредством метафоры, которая, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой понимание и переживание сущности одного вида в терминах совершенно иной сущности [11, с. 10]. Осмысление какой-либо концептуальной области происходит посредством обращения к другой, и таким образом – путем выявления метафорических моделей – может быть описан целый дискурс (как это показал, например, А. П. Чудинов в исследовании политической метафорологии [27]). Метафорические смысловые схемы, как отмечает З. И. Резанова, лежат в основе ключевых концептов русского языка, что дает возможность говорить о метафорическом фрагменте русской языковой картины мира [21, с. 28].

Особенно важную роль в метафорическом моделировании мира играет одна из наиболее древних метафор – антропоморфная, «проецирующая» человека на окружающий его мир [22, с. 60]. Представление о природе как о человеке отражает важнейшие константы когнитивной теории метафоры – «человек» и «мир»; человек во всем богатстве его проявлений от телесного облика, физиологии до внутреннего мира – и является «безграничным источником метафорического обогащения» [3, с. 28].

Антропоморфный образ природы широко и глубоко раскрывается в поэзии С. А. Есенина, с полным основанием называемого певцом русской природы. Авторы многочисленных научных трудов, посвященных творчеству поэта, неоднократно указывали на одушевленность, очеловеченность есенинской природы. Об этом, например, подробно пишет А. М. Марченко [17]. Исследователи языковой картины мира С. Есенина при описании лингвокогнитивного уровня языко-

вой личности поэта указывают на преимущественно антропоморфный характер природных реалий – олицетворенных, способных к коммуникации с человеком [9, с. 52].

Произведения С. Есенина, переведенные на разные языки мира, пользуются большой популярностью также и в Китае: они не только занимают важное место в курсе зарубежной литературы в учебных заведениях страны, но и входят в круг чтения многих китайцев, интересующихся как русской культурой в целом, так и творчеством данного автора. Как отмечает Ли Цин в работе об истории переводов Есенина в Китае и состоянии китайского есениноведения, жители страны испытывают к поэту и его творчеству «особое сердечное чувство», обусловленное в том числе и тем, что поэзия С. Есенина отражает особенности русской национальной культуры и внимание к таким значимым темам, как природа, деревня и родина, и высоко оценивает деятельность авторов переводов есенинских текстов на китайский язык [16; с. 90–91]. Гу Юньпу во введении к китайскому изданию стихотворений Есенина пишет, что уникальный идиостиль поэта, имеющий истоки «в родной земле», неразрывно связан с русской поэтической традицией, в том числе и фольклором [30, с. 5].

Поэтический текст, имеющий ряд принципиальных отличий от текста нехудожественного, содержащий помимо фактуальной информации глубинную, концептуальную, а также эстетическую, являющую собой сложнейший информационный комплекс [7], представляет значительную трудность для переводчиков. Как отмечает Ю. Найда, переводчики в стремлении передать содержание обычно жертвуют формой произведения, в результате чего поэтический текст, переведенный прозой, оказывается не полностью эквивалентным исходному варианту [19, с. 116]. По мнению Л. С. Бархударова, отсутствие иноязычного аналога какого-либо элемента оригинального текста не является препятствием для полноценного перевода произведения, представляющего собой структурно-семантическое целое, которому подчинены его составные части [1, с. 41]. В арсенале переводчика имеется немало возможностей для адекватной передачи языка оригинала. В классических (и неоднократно переизданных) трудах по теории перевода Я. И. Рецкера [23], Л. С. Бархударова [2] и др. опи-

саны разнообразны виды переводческих трансформаций, применяемых и при переводе метафор, внимание к которым не ослабевает и в работах последних лет (см., напр.: 14]).

Исследователи художественного текста (в том числе и в аспекте его перевода) считают важным соблюдение «закона сохранения метафоры», суть которого заключается в максимальном – по возможности – сохранении отраженного в метафоре образа [6, с. 81]. Перевод метафоры с одного языка на другой представляет известную сложность. Различия образных систем тех или иных языков обуславливают проблематичность сохранения метафоры в переводе. В литературе о художественном переводе описан ряд возможных действий переводчика, имеющего дело с метафорами: перевод в неизменном виде, буквальный; перевод метафоры сравнением или парафразом; снятие метафоры, неметафорическая передача смысла; опущение метафоры, ее устранение из текста и др. П. Ньюмарк говорит о двух стратегиях перевода – семантической, ориентированной на «культурно-языковую среду оригинала», и коммуникативной, учитывающей главным образом интересы адресата. Для художественной литературы особо значим семантический перевод. П. Ньюмарк считает, что вопросы перевода метафор зависят от их простоты или сложности, общераспространенности или ограниченности, степени оригинальности и других факторов, с учетом которых выбираются те или иные способы перевода. В качестве оптимального способа ученый называет подбор эквивалентной метафоры со схожим образом. При отсутствии в иностранном языке аналогичных метафорических конструкций переводчик должен найти способ передачи смысла метафорического выражения с учетом соответствующего эмоционального воздействия на адресата [29, с. 107]. Задача переводчика усложняется в случае обращения к типологически несходным языкам – таким, как русский и китайский.

Таким образом, актуальность исследования связана 1) с важностью рассмотрения проблем перевода, в том числе относящихся к трансформациям, которым подвергается исходный текст в результате переводческой деятельности; 2) с обращением к поэзии С. А. Есенина; 3) с необходимостью дальнейшего изучения метафоры, понимаемой в современ-

ной лингвистике как способ познания и объяснения мира. Новизна работы обусловлена недостаточной изученностью антропоморфных метафор С. Есенина как объекта перевода на китайский язык, практическая значимость – возможностью использования при изучении русской лингвокультуры, отраженной в поэтической картине мира, поэтических произведений С. Есенина в китайской аудитории, в переводческой практике. Цель исследования – характеристика метафорической репрезентации когнитивной модели «природа – человек» в переводах поэзии С. Есенина на китайский язык – раскрывается в следующих задачах: выявить в китайских переводах стихотворений С. Есенина фрагменты, соответствующие реализациям антропоморфной метафоры с областью цели «природа» в оригинальном тексте; оценить переводной материал в плане сохранения/несохранения модели «природа – человек»; выявить типы переводческих трансформаций, использованных авторами переводов; определить и описать группу лексики, представляющей наибольшую трудность для переводчика; проанализировать антропоморфные метафоры в разных переводах одних и тех же текстов С. Есенина.

Материалы и методы

Источниками материала исследования являются переводы произведений С. Есенина [10] на китайский язык, авторами которых являются Гу Юньпу [31], Лань Мань, Фу Кэ, Чжэнь Шоучен [32], Лю Чжаньцю [33], Чжэн Чжэн [34], Чжэнь Тиву [35]. Сборники данных авторов включают основной массив переведенных на китайский язык стихотворений С. Есенина (отметим, что в настоящее время переведены не все произведения поэта). Рассмотрению подвергались переводы реализаций когнитивной модели «природа – человек» – компаративных тропов, главным образом, метафор. В переводных текстах нами было выявлено 296 случаев уподобления человеку объектов природы. В процессе рассмотрения соответствующих контекстов и сопоставления их с фрагментами текстов оригинала выявлялись случаи сохранения, модификации или утраты в процессе перевода антропоморфного образа; определялись группы лексики, репрезентирующей метафорический образ; рассматривались виды переводческих трансформаций в об-

ласти лексики и грамматики; производилось сопоставление разных переводов одного и того же фрагмента оригинального текста с целью определения степени их эквивалентности оригиналу и проявления индивидуальности переводчика.

Результаты

При проведенном нами ранее сопоставительном исследовании антропоморфных метафор С. Есенина и «китайского Есенина» Хайцзы мы выявили в есенинских текстах ряд тематических групп антропоморфных метафор, к сфере цели которых относятся разнообразные реалии мира природы (растения, животные, природные явления, объекты земного, воздушного, водного пространства), а к сфере источника – человек (детали внешнего облика, речь, движения, чувства и т. д.) [15]. Рассмотрение китайских переводов произведений С. Есенина привело нас к выводу о сохранении почти во всех случаях метафорических моделей, реализованных в оригинальных текстах; вместе с тем мы наблюдали разного рода различия в языковом воплощении данных моделей в исходном и переводном тексте.

Отмечая то обстоятельство, что сопоставление двух языков сводится главным образом к сравнению их грамматических систем, Чжао Юньпин указывает, что и русская, и китайская грамматика относятся к числу наиболее сложных среди грамматик языков мира, и если русская грамматика «трудна своей сложностью», то китайская – «своей простотой», что иллюстрируется, например, неизменяемостью слов в китайском языке – в отличие от русского [28, с. 22]. Из содержания трудов по сопоставительной грамматике данных языков [4; 28] явствует, что особенно заметными при переводе будут отличия в области синтаксиса. Для китайского языка характерен строгий, не допускающий, в отличие от русского, каких-либо вариаций порядок слов: подлежащее стоит в начале предложения, сказуемое – после подлежащего, определение – перед определяемым словом и т. д.; нарушение данного порядка приводит, как правило, к изменению грамматического значения слов и смысла всего предложения.

При рассмотрении переводов антропоморфных метафор С. Есенина на китайский язык выявлено широкое (87% от об-

щего объема материала) использование переводчиками такой синтаксической трансформации, как *перестановка* (слов, словосочетаний). Активное использование данного вида трансформации обусловлено как достаточно свободным порядком слов в русском языке, так и значительной его вариативностью в поэтическом тексте, обусловленной ритмом стиха, необходимостью выразить эмоцию, желанием автора привлечь внимание на то или иное слово и др. (прием инверсии), а также особенностями творческой манеры С. Есенина. В его произведениях глагол-сказуемое часто оказывается перед подлежащим, обозначающим субъект действия, а иногда стоит в начале предложения и текста в целом – в сильной позиции, получая тем самым стилистическую «нагруженность»: «Зашумели над затоном тростники...»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...»; «Сыплет черёмуха снегом...» и др. Чаше всего китайские переводчики осуществляют перестановку сказуемого, перенося его из начала в предложения в позицию после подлежащего, а также перемещение определения из постпозиции в препозицию по отношению к определяемому слову, например: «Улыбнулись сонные березки...» [10, IV, с. 66] – «睡梦初醒的小白桦微微一笑» [31, с. 40] (Сонные березки улыбнулись); «Воробышки игривые, / Как детки сиротливые, / Прижались у окна» [10, I, с. 17] – «一些顽皮可爱的小麻雀蜷缩在窗户下, 瑟瑟索索, 像一群孤儿般让人心疼» [34, с. 2] (Игривые воробышки прижались у окна, как сиротливые детки).

В большинстве случаев перестановка дополняется другими видами синтаксических и иных трансформаций. Более трети от общего количества рассмотренного нами переводного материала отражает наличие такой грамматической трансформации, как *добавление*. Если изменение порядка слов при переводе связано с учетом особенностей китайской грамматики, то добавление слов, фразеологических оборотов и иных словосочетаний, в том числе метафорических, расширяющих структуру предложения, вызваны, на наш взгляд, субъективным мнением переводчика относительно того, как должна выглядеть та или иная метафора или предложение в целом. Например, Лань Мань вводит в конструкцию дополнительный глагол-сказуемое, переводя предложение «На бору со звонами плачут глухари» [10, I, с. 28] как «雷鸟

啼哭着飞向着青青的松林» [32, с. 7] (Глухари плачут и летают в бору). Гу Юньпу переводит есенинские строки «Не слышать мне ту песню отрадную, что в саду распевал соловей» [10, IV, с. 14], добавляя словосочетание «мою любовь»: «我听不到那支欢快的歌了，夜莺在花园曾唱出我的爱» [31, с. 22] (Не слышать мне ту отрадную песню, которой соловей в саду воспевал мою любовь!). Лю Чжаньцю перевел эти же строки с добавлением отсутствующей в оригинале метафоры, в результате чего в предложении появляется новая предикативная часть: «我不能听见那支欢乐的歌，夜莺在花园里唱，动人心怀» [33, с. 11] (Не слышать мне ту отрадную песню, что в саду распевал соловей, которая затрагивает человеческие струны!)

В переводах стихотворений Есенина на китайский язык встречаются многочисленные замены, состоящие в замещении слова словосочетанием (в том числе фразеологического и метафорического характера), метафоры – сравнением и др. Такие случаи составляют примерно четвертую часть от общего количества материала. Например, Лю Чжаньцю в стихотворении «Песнь о собаке» заменяет форму «в полях» на метафору: «纤细的月牙滑过去了，隐入小丘后田野的怀抱» [33, с. 49] (Тонкий месяц скользил, скрылся за холм в объятие поля). Словосочетание «в страну далёкую» из стихотворения «Поёт зима – аукает...» этот же переводчик заменяет китайским фразеологизмом, имеющим значение «очень далеко» (天涯海), и предложение в его переводе выглядит следующим образом:

«灰白色的云朵 带着深沉的忧郁 浮游向那天涯海角» [33, с. 3] (Седые облака с глубокой тоской плывут на край небес и в дальний уголок моря). Авторы переводов нередко прибегают к трансформации метафоры в сравнительный оборот. Например, Чжэн Чжэн переводит строки «И вызванивают в чётки ивы – кроткие монашки» [10, I, с. 39] как «睡梦初醒的小白桦微微一笑» [34, с. 21] (Ивы, как кроткие монашки, звенят чётками). Замены метафоры на сравнение используются разными переводчиками. Например, Гу Юньпу переводит строки «Осенний холод ласково и кротко крадётся мглой к овсяному двору...» [10, I, с. 74] как «秋寒似烟雾亲昵而温顺地偷偷袭向晒燕麦的场院...» [31, с. 71] с употреблением сравнения «холод крадётся, как дым». Строки «Кудрявый сумрак за горой / Рукою машет белоснежной» [10, I, с. 70] в переводе Лю Чжаньцю

выглядят следующим образом: «山那边袅袅升起的暮色，像用洁白的手在向我招呼» [33, с. 45] (Сумрак медленно восходит за горой, как белоснежной рукой мне машет).

Опущение как грамматическая трансформация заключается в пропуске в переводном тексте языковых единиц, имеющих в тексте оригинала. Случаи устранения компонентов предложения составляют примерно пятую часть рассмотренного материала. Например, Чжэн Чжэн в переводе строки «А месяц скользил тонкий / И скрылся за холм в полях» («Песнь о собаке») не только изменил порядок следования членов предложения, но и убрал одно сказуемое – глагол «скользить»: «秀丽的明月却悄悄隐藏，隐入田野上的一座山丘» [34, с. 32] (Тонкий месяц скрылся за холм в полях). Предложение «И клены морщатся ушами длинных веток» [10, II, с. 94] Гу Юньпу перевел как «枫树竖起长长的耳朵倾听谈话» [31, с. 147] (Клены навестили длинные уши, слушают разговор). Устранив упоминание о ветках, переводчик сделал есенинский образ менее конкретным. В данном примере присутствует добавление «слушают разговор», которое мотивировано в тексте «Русь советская» упоминанием в предыдущих строках о беседе крестьян, однако в данном предложении в оригинале отсутствует информация о том, что клены прислушиваются к разговору. Лю Чжанью переводит строки «Тот почти берёзке каждой / Ножку рад поцеловать» [10, I, с. 291] как «他就会喜欢每一棵白桦树，高兴地抱着它亲了又亲» [33, с. 179] (рад ее обнять и поцеловать), пропуская слово «ножка», и т. д.

Морфологические трансформации встречаются значительно реже синтаксических, они составляют примерно одну седьмую часть от общего количества материала. При замене переводчиком слова одной части речи на слово, относящееся к другой части речи, как правило, изменяется и структура предложения, а иногда и его тип. Например, двусоставное предложение с основой «грезит ночь» становится односоставным номинативным («глубокая ночь»), номинативное («тоска равнин») двусоставным. Словосочетание превращается в предикативную основу: например, «песни весны» переведены как «весна поёт», «метельные всхлипы» как «метель всхлипывает» и т. д. В китайском языке отсутствует такая глагольная форма, как деепричастие, поэтому переводчик использует глагол.

Например, предложение «Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло» [10, I, с. 28] в переводе выглядит как «雷鸟藏在树洞里也在哭泣» [33, с. 5] (иволга спряталась в дупло плакать).

Лексические трансформации в переводе метафор С. Есенина особенно заметны при обращении к религиозной лексике, широко используемой поэтом, в творчестве которого весьма важное место занимает тема православия, как отмечает, например, О. Е. Воронова, рассматривающая творчество С. Есенина в аспекте русской духовной культуры [5]. Природа в есенинских текстах представляется храмом – с его внешним и внутренним убранством, священнослужителями и монахами, службами, таинствами, в которых активно участвуют растения, животные, явления природы, объекты земного, водного, воздушного пространства. В связи с различием религиозных традиций двух народов для перевода русской церковной лексики в китайском языке в большинстве случаев нет точных эквивалентов, соответствующие слова передаются с помощью особых иероглифов. Такая лексика (наименования священнослужителей, предметов церковного обихода и т. д.) зачастую переводится посредством подбора синонима, использования слов с более широким значением, а также описательных характеристик с толкованием значений слов. Если, например, строки «На дворе обедню стройную / Запевают петухи» [10, I, с. 39] в переводе выглядит как «公鸡在院子里引颈高啼，唱着对上帝的庄严颂歌» [34, с. 21] («Петухи на дворе запевают богу стройную обедню»), то «схимник ветер» переводится как «风儿苦行僧» (ветер-монах), а строки «У лесного аналая / Воробей псалтырь читает» [10, I, с. 55] как «麻雀在读经台旁读圣经» [33, с. 18] (Воробей читает книгу псалмов у лесного стола, предназначенного для чтения священных книг).

В некоторых случаях отсутствие китайских аналогов русских церковных слов приводит к утрате в метафорическом выражении религиозной семантики. Таков, например, неоднократно используемый Есениным по отношению к природным объектам глагол «венчаться», относящийся к церковному таинству освящения и благословения брачного союза, который переводится как «麻雀在读经台旁读圣经» [33, с. 18] (устроить свадебный обряд). Орарь как принадлежность облачения дьякона в виде носимой через плечо парчовой ленты в пере-

воде строки «Синею водою солнце моюсь, / Свой орарь мне кинуло к ногам» [10, IV, с. 150] выглядит так: «太阳沐浴着蓝色的水, 把它的圣带扔到我脚旁» [33, с. 83] (Солнце мылось синей водой, кинуло свой плечевой ремень к моим ногам). Строка «Резеда и риза кашки» [10, I, с. 39] переведена как «木犀草和三叶草的僧服» [34, с. 21], то есть «риза» переведена как «монашеский халат»), что искажает есенинский образ праздничной земли, покрытой белым и розовым клевером, поскольку одежда как русских, так и китайских монахов не соотносится с образом цветущей земли ни по цвету, ни по настроению; к тому же риза – это не монашеская одежда, а облачение священника. При переводе строк «Как будто тысяча / Гнусавейших дьячков, поет она плакидой – / Сволочь – вьюга!» [10, II, с. 130]. Лань Мань и Лю Чжэньцзю заменяют форму «дьячков» на «людей» (人们), превращая есенинскую вьюгу из церковнослужителя в обычного участника похорон. В отдельных случаях антропоморфная метафора при переводе полностью разрушается. Например, строка «Звонки ветры панихидную поют» [10, I, с. 30] в переводе выглядит как «风唱的歌也惹人忧愁» [32, с. 22] (Человек грустит о звонких ветрах); «мать-земля черница» [10, I, с. 98] (то есть монахиня) – как «黝黑的大地母亲» [35, с. 32] (черная мать-земля).

Мы полагаем, что неточности переводов могут быть объяснены сравнительно поздним появлением соответствующих лексикографических источников: например, русско-китайский словарь православной лексики под редакцией М. В. Румянцевой [12] опубликован в 2021 г., а его первое издание вышло в свет также в начале XXI в. Кроме того, в Китае, в отличие от России, традиционные религиозные направления отличаются многообразием (конфуцианство, буддизм, даосизм и др.) [26, с. 5].

Некоторые произведения Есенина знакомы китайскому читателю в нескольких переводах, которые, как правило, имеют определенные отличия. Сравним переводы первого предложения из стихотворения с одноимённым названием «Выткался на озере алый свет зари...» [10, I, с. 28], сделанные тремя переводчиками. Это Гу Юньпу: «湖面上织出了红霞的锦衣。顾蕴璞» [31] (На озере ткали роскошную одежду красной зари); Лю Чжэньцзю: «朝霞在湖上织成鲜红的锦缎。刘湛秋» [33] (Заря

на озере ткала красную парчу); Чжэн Чжэн: «湖水上织出了一片晚霞的嫣红。郑铮» [34] (На озере ткали алый свет вечерней зари). Все авторы переводов сохраняют в целом смысл предложения, не утрачивается и метафорическая модель, реализации которой передают представление о женском образе зари и процессе изготовления ткани. Вместе с тем наблюдаются и различия в переводах, касающиеся как лексики (например, варианты *свет – парча – одежда*), так и грамматики. Если в варианте Лю Чжэньцзю заря является субъектом действия, обозначенного формой глагола «ткать», то в переводах Чжэн Чжэн и Гу Юньпу она не имеет отношения к процессу изготовления ткани, соответствующее действие осуществляется без ее участия. В данных примерах, как и во многих других, наблюдается сочетание разных переводческих трансформаций грамматического и лексического плана; используются перестановка, замена одного члена предложения на другой, добавление.

Отметим, что в некоторых случаях отклонения перевода от текста оригинала обусловлены особенностями китайской культуры. Например, строки «И берёзы в белом / Плачут по лесам» [10, IV, с. 232] в переводе Гу Юньпу выглядят как «白桦穿着孝，哭遍了树林» (Берёзы носят траурную одежду, плачут в лесу). Белая одежда в китайской культуре – знак траура, ее надевают люди, оплакивающие умершего.

Рассмотрение переводов стихотворений Есенина приводит к выводу о том, что их авторы в некоторых случаях допускают неточности, вызванные, как нам представляется, как личными вкусами переводчиков, так и неполным пониманием ими оригинальных текстов. Данные неточности проявляются как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Например, в переводе строки «О красном вечере задумалась дорога» [10, I, с. 74] переводчики сохраняют предикативную основу, но производят замену глагола: вместо «задумалась» – «怀想» (вспоминает) [31, с. 71], «思忖着» [33, с. 59] (скачает). Характеристика леса в предложении «Лес застыл без печали и шума» [10, I, с. 32] представлена в переводах следующим образом: «没有痛苦» [33, с. 51] (без страдания) и «无怨无悔地» [35, с. 29] (без жалобы и раскаяния). Лань Мань превращает сочетание подлежащего и сказуемого в именное словосочетание «呆立的树林» [32, с. 33] (остолбенелый лес). В одном из переводов стихотворения

«Пороша» при описании покрытой снежной косынкой сосны заменена форма единственного числа слова «сосна» (栎山松) на множественное (栎栎山松), в результате возникает отсутствующий в оригинале образ толпы старушек-сосен [32, с. 20].

В некоторых случаях в результате переводческих действий изначальная образность оказывается утраченной или видоизмененной. Например, в переводе строк «Там, где капустаные грядки / Красной водой поливает восход» [10, I, с. 16], в которых восход предстаёт производителем действия, уподобляясь огороднику, Лань Мань устраняет действующего субъекта: «在白菜地的畦垄上，流动着红色的水浪» [32, с. 4] (На капустные грядки льётся красная вода). Чжэнь Тиву переводит строки «Опять весенним гулом / Приветствует нас дол» [10, I, с. 134] как «又一次，春天在平原上向我们大声欢呼» [35, с. 66] (Весна на равнине кричала от радости), заменяя как производителя действия, так и само действие.

Обсуждение и выводы

Рассмотрение антропоморфных метафор С. А. Есенина в переводах на китайский язык позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев наблюдается сохранение метафорических моделей, репрезентирующих когнитивную модель «природа – человек», что относится как к области цели (обозначение разнообразных реалий природного мира – от флоры и фауны до пространственных объектов), так и к области источника (внешний облик человека, его речь, действия, эмоциональная сфера и др.) При переводе есенинских метафор широко используются переводческие трансформации – как грамматические, среди которых наиболее употребительной является перестановка, обусловленная главным образом синтаксическими особенностями китайского языка, так и лексические, связанные как с отсутствием в китайском языке соответствующих понятий (например, религиозной сферы), так и с собственными предпочтениями переводчика, в результате чего происходит видоизменение есенинского образа – вплоть до утраты (в отдельных случаях) метафорической модели. Характерным для китайских переводов является комбинирование грамматических и лексических трансформаций. Наиболее точное отражение антропоморфных метафор

С. Есенина отмечено нами в переводах Гу Юньпу – известного исследователя творчества Есенина, автора комментариев ко многим его произведениям. В переводах Лю Чжанью, по сравнению с другими авторами, наблюдается большее количество отсутствующих в текстах оригинала языковых элементов (например, фразеологизмов).

Значимость антропоморфных метафор С. Есенина (как и метафор в целом), являющихся источником богатой информации как о поэтическом идиостиле любимого и ценимого в Китае поэта, так и о русской народной культуре, языковой картине мира народа, обуславливает важность дальнейших исследований китайских переводов метафор в плане их семантики, структуры, приемов перевода, способствующих адекватной передаче как смыслового, так и поэтического содержания метафорических образов в поэзии С. А. Есенина.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык // Тетради переводчика. – М.: Высшая школа, 1984. – Вып. 21. – С. 38–48.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Бурмакова Е. А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе // Язык и культура. – 2015. – № 3. – С. 28–36.
4. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2018. – № 8 (131). – С. 148–154.
5. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань: РГПУ им. С. А. Есенина; Узорочь, 2002. – 512 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
7. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: научно-теоретический сб. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 107–122.
8. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
9. Дронсейка Р. П. Языковая личность С. Есенина сквозь призму концептуального пространства русской деревни // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 51–53.
10. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. (9 книг) / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. – М.: Наука; Голос, 1995–1996.
11. Лакофф Д., Джонсон М.. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
12. Краткий тематический русско-китайский словарь православной лексики. Под ред. М. В. Румянцевой. – М.: Китайское Патриаршее подворье, 2021. – 287 с.
13. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
14. Кулемина К. В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 5 (40). – С. 143–146.

15. Купчик Е. В., Ма С. Антропоморфные метафорические модели концептуальной сферы «природа» в поэзии С. Есенина и Хайцзы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 60–77.

16. Ли Ц. Поэзия С. А. Есенина в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 3. – С. 86–92.

17. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. – М.: Советский писатель, 1972. – 312 с.

18. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 940 с.

19. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. Под ред. В. Н. Комиссарова. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114–137.

20. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.

21. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

22. Резанова З. И., Абрамова А. А. Антропоморфная метафорическая интерпретация концептуальной сферы «средства передвижения» (степень метафоричности концептуальной сферы и продуктивности метафорической модели) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 60–73.

23. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 215 с.

24. Сегал Н. А. Метафорические модели как объект современных лингвистических исследований // Ученые записки Крымского государственного федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 108–117.

25. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.

26. Чжан Си. Изучение религии в Китае и развитие религиоведения в новый период // Science Time. – 2020. – № 12 (84). – С. 5–8.

27. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 176 с.

28. Юньпин Ч. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. – М.: Прогресс, 2003. – 455 с.

29. Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – Pp. 106–113.

30. Гу Юньпу. Введение // Есенин С. А. Избранное. Стихотворения / пер. с русского яз. Гу Юньпу. – Нанкин: Илин Чубаньшэ, 1999. – С. 1–7. (顾蕴璞. 前言. 叶赛宁. 叶赛宁诗选顾蕴璞译. 译林出版社, 1999. 1–7 页).

31. Гу Юньпу. Стихотворения С. Есенина. – Пекин: Иностранное педагогическое издательство, 2006. – 275 с. (顾蕴璞. «叶赛宁诗选». 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 275页).

32. Лань Мань, Фу Кэ, Чэнь Шоучэн. Стихотворения С. Есенина. – Пекин: Ли Цзянь, 1983. – 202 с. (蓝曼, 付克, 陈守成. «叶赛宁诗选». 漓江出版社, 1983. 202页).

33. Лю Чжанью. Стихотворения С. Есенина. – Чэн Ду: Сы Чуань, 2015. – 223 с. (刘湛秋. «叶赛宁抒情诗选». 成都: 四川文艺出版社, 2015. 223页).

34. Чжэн Чжэн. Береза. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 1991. – 152 с. (郑铮. «白桦». 北京: 外国文学出版社, 1991. 152页).

35. Чжэнь Тиву. Стихотворения и поэмы. – Шанхай: Шанхайское переводное издательство, 2018. – 297 с. (郑体武. «叶赛宁诗选». 上海: 上海译文出版社, 2018. 297页).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Elena V. Kupchik, Xun Ma

S. Yesenin's Anthropomorphic Metaphors with the Field of the Goal "Nature" in the Aspect of Translation into Chinese

The Article examines S. A. Yesenin's anthropomorphic Metaphors as representatives of the cognitive Model "Nature – Human" in their translations into Chinese. Translations of Gu Yunpu, Lan Man, Liu Zhanqiu, Zhen Tiwu, Zheng Zheng are analyzed from the point of view of preserving metaphorical Images in them. The Types of translation Transformations in the field of Grammar and Vocabulary (Permutation, Addition, Replacement etc.) are identified. The Combination of different translation Transformations within one Fragment containing an anthropomorphic Metaphor is indicated. The thematic Group of the most difficult Vocabulary for translation is determined. The comparison of different versions of the Translation of the same anthropomorphic Metaphors of S. A. Yesenin by different Authors is carried out with the identification of Similarities and Differences in the linguistic Embodiment of the metaphorical Model. The Author of the Translations who most accurately convey the metaphorical Images of Nature in the poet's Texts are identified. It is noted that while in most cases the metaphorical Model of the source Text is preserved, its linguistic Embodiment in Translation differs to one degree or another from the one presented in the Original.

Key words: S. Yesenin, anthropomorphic metaphor, metaphorical model, Russian language, Chinese language, translation, translation transformations.

For citation: Kupchik, E. V., Ma, X. (2023) Antropomorfnye metafory S. Esenina s oblast'yu celi «priroda» v aspekte perevoda na kitajskij yazyk [S. Yesenin's Anthropomorphic Metaphors with the Field of the Goal "Nature" in the Aspect of Translation into Chinese]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 257–275. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_257. EDN: TCLFIU

References

1. Barhudarov, L. S. (1984) Nekotorye problemy perevoda anglijskoj poezii na russkij yazyk [Some problems of translating English poetry into Russian]. *Tetradj perevodchika* [Translator's Notebooks]. Issue 21. Pp. 38–48. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).
2. Barhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and particular theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).
3. Burmakova, E. A. (2015) Kognitivnaya priroda antropomorfnoj metafory v hudozhestvennom diskurse [Cognitive nature of anthropomorphic metaphor in artistic discourse]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*. No. 3. Pp. 28–36. (In Russian).
4. Volkov, K. V., Guruleva, T. L. (2018) Sopotavitel'nyj analiz tipologicheskikh harakteristik kitajskogo i russkogo yazykov [Comparative analysis of the typological characteristics of the Chinese and Russian languages]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki – News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. No. 8 (131). Pp. 148–154. (In Russian).
5. Voronova, O. E. (2002) *Sergej Esenin i russkaya duhovnaya kul'tura* [Sergej Yesenin and Russian spiritual culture]. Ryazan': RGPU im. S. A. Esenina; Uzoroch'e Publ. (In Russian).

6. Gal'perin, I. R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

7. Goncharenko, S. F. (1999) *Poeticheskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost'* [Poetic translation and translation of poetry: constants and variability]. *Traditii perevodchika: nauchno-teoreticheskij sb.* [Translator's Notebooks: scientific and theoretical collection]. Moscow: MGLU Publ. Pp. 107–122. (In Russian).

8. Dem'yankov, V. Z. (1994) *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda* [Cognitive linguistics as a type of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. No. 4. Pp. 17–33. (In Russian).

9. Dronsejka, R. P. (2016) *Yazykovaya lichnost' S. Esenina skvoz' prizmu konceptual'nogo prostranstva russkoj derevni* [The linguistic personality of S. Yesenin through the prism of the conceptual space of the Russian village]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Research*. No. 2 (11). Pp. 51–53. (In Russian).

10. Esenin, S. A. (1995–1996) *Polnoe sobranie sochinenij: V 7 tomah. (9 knig)* [Complete works: In 7 volumes. (9 books)] Gl. red. YU. L. Prokushev. Moscow: Nauka; Golos Publ. (In Russian).

11. Lakoff, D., Dzhonson, M. (2008) *Metaforj, kotorymi my zhivym* [Metaphors by which we live: trans. from English]. ed. A. N. Baranova; 2nd ed. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

12. Rumyanceva, M. V. (2021) (ed.) *Kratkij tematicheskij russko-kitajskij slovar' pravoslavnoj leksiki* [A brief thematic Russian–Chinese dictionary of Orthodox vocabulary]. Moscow: Kitajskoe Patriarshee podvor'e Publ. (In Russian).

13. Kubryakova, E. S. (2004) *Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki* [About the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*. No. 1. Pp. 6–17. (In Russian).

14. Kulemina, K. V. (2007) *Osnovnye vidy perevodcheskih transformacij* [Main types of translation transformations]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Astrakhan State Technical University*. No. 5 (40). Pp. 143–146. (In Russian).

15. Kupchik, E. V., Syun', M. (2021) *Antropomorfnye metaforicheskie modeli konceptual'noj sfery «priroda» v poezii S. Esenina i Hajczy* [Anthropomorphic metaphorical models of the conceptual sphere “nature” in the poetry of S. Yesenin and Haizi]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities*. Vol. 7. No. 4 (28). Pp. 60–77. (In Russian).

16. Li, C. (2022) *Poeziya S. A. Esenina v Kitae* [Yesenin in China]. *Evrasijskij humanitarnyj zhurnal – Eurasian Humanitarian Journal*. No. 3. Pp. 86–92. (In Russian).

17. Marchenko, A. M. (1972) *Poeticheskij mir Esenina* [Yesenin's poetic world]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).

18. Moskvina, V. P. (2007) *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. 3d ed. Rostov-na-Donu: Feniks Publ. (In Russian).

19. Najda, YU. (1978) *K nauke perevodit'* [Towards the science of translation] *Questions of the theory of translation in foreign linguistics*. Sat. articles. Ed. V. N. Komissarova [Questions of the theory of translation in foreign linguistics. Sat. articles. Ed. V. N. Komissarova]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Pp. 114–137. (In Russian).

20. Rahilina, E. V. (2000) O tendenciyah v razvitii kognitivnoj semantiki [On trends in the development of cognitive semantics]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Vol. 59. No. 3. Pp. 3–15. (In Russian).

21. Rezanova, Z. I. (2010) Metaforicheskiy fragment russkoj yazykovoj kartiny mira: idei, metody, resheniya [Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 1 (9). Pp. 26–43. (In Russian).

22. Rezanova, Z. I., Abramova, A. A. (2014) Antropomorfnyaya metaforicheskaya interpretaciya konceptual'noj sfery «sredstva peredvizheniya» (stepen' metaforichnosti konceptual'noj sfery i produktivnosti metaforicheskoy modeli) [Anthropomorphic metaphorical interpretation of the conceptual sphere of “vehicle” (the degree of metaphoricality of the conceptual sphere and the productivity of the metaphorical model)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 3 (29). Pp. 60–73. (In Russian).

23. Recker, YA. I. (1975) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).

24. Segal, N. A. (2017) Metaforicheskie modeli kak ob'ekt sovremennyh lingvisticheskix issledovanij [Metaphorical models as an object of modern linguistic research]. *Uchenye zapiski Krymskogo gosudarstvennogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific notes of the Crimean State Federal University n.a. V. I. Vernadsky. Philological sciences*. Vol. 3 (69). No. 2. Pp. 108–117. (In Russian).

25. CHenki, A. (1996) Sovremennye kognitivnye podhody k semantike: skhodstva i razlichiya v teoriyah i celyah [Modern cognitive approaches to semantics: similarities and differences in theories and goals]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 2. Pp. 68–78. (In Russian).

26. CHzhan, S. (2020) Izuchenie religii v Kitae i razvitie religiovedeniya v novyj period [The study of religion in China and the development of religious studies in the new period]. *Science Time – Science Time*. No. 12 (84). Pp. 5–8. (In Russian).

27. Chudinov, A. P. (2013) *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii. Monografiya* [Essays on modern political metaphorology. Monograph]. Ekaterinburg: UrGPU Publ. (In Russian).

28. YUn'pin, CH. (2003) *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kitajskogo yazykov* [Comparative grammar of Russian and Chinese languages]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

29. Newmark, P. (2008) *A Textbook of Translation*. Harlow: Pearson Education Limited. Pp. 106–113.

30. Gu, Yunpu (1999) Introduction. Yesenin S. A. Favorites. Poems; trans. from Russian Gu Yunpu. Nanjing. Pp. 1–7. (In Chinese).

31. Gu, Yunpu (2006) *Selected Poems of Yesenin*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).

32. Lan, Man, Fu, Ke, Chen, Shoucheng (1983) *Selected Poems of Yesenin*. Lijiang Publishing House. (In Chinese).

33. Liu, Zhanqiu (2015) *Selected Lyrical Poems by Yesenin*. Chengdu: Sichuan Literature and Art Publishing House. (In Chinese).

34. Zheng, Zheng (1991) White Birch. Beijing: Foreign Literature Publishing House. (In Chinese).

35. Zheng, Tiwu (2018) Selected Poems of Yesenin. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese).

Об авторах

Купчик Елена Викторовна, профессор Тюменского государственного университета доктор филологических наук (г. Тюмень, Российская Федерация); e-mail: elwika@list.ru; ORCID ID: 0009-0002-9178-81-81

Ма Сюнь, преподаватель Цюйфуского педагогического университета (Цынин, Китайская Народная Республика); e-mail: maxun198821@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0003-8251-0433

About the authors

Elena V. Kupchik, Professor, Tyumen State University, Doctor of Philology (Tyumen, Russian Federation); e-mail: elwika@list.ru; ORCID ID: 0009-0002-9178-81-81

Xun Ma, Teacher, Qufu Normal University (Qining, China); e-mail: maxun198821@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0003-8251-0433

дата получения: 23.09.2023 г.

дата принятия: 30.10.2023 г.

дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 23 September 2023

date of acceptance: 30 October 2023

date of publication: 30 December 2023